

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

БИБЛИОГРАФІЯ.

Матеріалъ для біографіи Суворова.—Русскій Архивъ.—Краткій критическій обзоръ механики арміи, въ военное время, во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи и у насъ, преимущественно по интендантской части.

Матеріалъ для біографіи Суворова (*).

Приказъ, отданный предъ штурмомъ Праги въ 1794 году.

Его сіятельство графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ приказалъ:

(*) Біографіи нашего безсмертнаго полководца, снѣгающая строгіе требованія исторіи будетъ возможна только тогда, когда тѣ матеріалы для нея, которые до сихъ поръ хранятся въ архивахъ, будутъ изслѣдованы, подвергнуты критической оцѣнкѣ и обнародованы во всеобщее свѣдѣніе. Военная литература наша можетъ однако указать на нѣсколько предварительныхъ по этому предмету для каждаго русскаго предмета работъ, основанныхъ на архивныхъ документахъ. Таково, между прочимъ, описаніе дѣятельности Суворова между 1774 годомъ и второю турецкою войною, составленное генеральнаго штаба генераль-майоромъ Саковичемъ по бумагамъ походной канцеляріи Румянцова. Но многое еще предстоитъ сдѣлать для того, чтобы имѣть достойную реликвію мужа біографію. Помѣщаемый нами приказъ о штурмѣ Праги едва-ли былъ когда напечатанъ въ настоящемъ своемъ видѣ: онъ списанъ съ подлиннаго документа, хранящагося въ архивѣ главнаго штаба. Можно сказать, что этотъ лаконическій приказъ воплощаетъ въ себя всю сущность Суворова, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ служитъ блистательнымъ доказательствомъ, до какого высокаго тактическаго образованія доведены были русскія войска, предводимыя вождемъ истинно-русскимъ. Суворовъ могъ обратиться съ подобнымъ приказомъ только къ такимъ войскамъ, въ которыхъ былъ увѣренъ какъ въ самомъ себѣ.

Седьмымъ пунктомъ приказа фактически опровергаются измышленія тѣхъ польскихъ, а за ними и многихъ иностранныхъ, особенно французскихъ писателей, которые возводятъ на Суворова гнусную клевету въ гибели безвинныхъ и безоружныхъ жителей Праги, даже женщинъ и дѣтей. Во время самаго боя, Суворовъ приказалъ разрушить часть моста, соединяющаго предмѣстье съ городомъ, чтобы не распространять ужасовъ пражскаго штурма на Варшаву. Весьма естественно, что въ пылу штурма наши солдаты не давали пощадъ полякамъ; но не слѣдуетъ забывать, что въ числѣ штурмовавшихъ войскъ были баталіоны, которые за полчаса передъ тѣмъ (6-го апрѣля) подверглись подлому, наизвѣстному нападенію въ Варшавѣ. Солдаты этихъ баталіоновъ считали долгомъ отмстить за своихъ товарищей, замученныхъ, съ вороватымъ звѣрствомъ, поляками. Да и не въ припадѣ русскаго солдата трогать безоружнаго, тѣмъ болѣе женщинъ и дѣтей. Русскій солдатъ не бьетъ даже лежащаго орла.

1) Взять штурмомъ прагскій ретраншаментъ, и для того:
 2) На мѣстѣ полкъ устроится въ колонну поротно. Охотники, съ своими начальниками, станутъ впереди колонны; съ ними рабочіе. Они понесутъ плетни для закрытія волчьихъ ямъ предъ вражескимъ укрѣпленіемъ, фашияникъ для закидки рва и лѣстницы, чтобы лѣзть изъ рва черезъ валъ. Людямъ съ шанцевымъ инструментомъ быть подъ началомъ особаго офицера и стать на правомъ флангѣ колонны. У рабочихъ ружья черезъ плечо, на погонномъ ремнѣ.

Съ нами егеря, бѣлорусцы и ливляндцы; они у нихъ направо.

3) Когда пойдѣмъ, воинамъ идти въ тишинѣ, не говорить ни слова, не стрѣлять.

4) Подошедъ къ укрѣпленію, кинутся впередъ быстро, по приказу кричать „ура!“.

5) Подошли ко рву, ни секунды не медля бросай въ него фашияникъ, спускайся въ него и ставь къ валу лѣстницы; охотники стрѣлай врага по головамъ; шибко, скоро, пара за парой, лѣзь. Коротка лѣстница, штыкъ въ валъ — лѣзь по немъ другой, третій. Товарищъ товарища обороняй. Ставши на валъ, опрокидывай штыкомъ непріятеля — и мгновенно стройся за валомъ.

6) Стрѣльбой не заниматься, безъ нужды не стрѣлять, бить и гнать врага, штыкомъ работать быстро, скоро, храбро по-русски! Держаться своихъ въ средину. Отъ начальниковъ не отставай; вездѣ фронтъ.

7) Въ дома не заходить, непріятеля, просящаго пощады, щадить; безоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать, малолѣтковъ не трогать.

8) Кого изъ насъ убьютъ, царство небесное; живымъ — слава! слава! слава!

Русскій Архивъ. *Историко-литературный сборникъ, издаваемый Петромъ Бартевымъ. Москва, 1866—1867.*

О статьяхъ военнаго содержанія, помѣщенныхъ въ первыхъ трехъ годахъ (1863, 1864, 1865) этого любопытнаго сборника матеріаловъ для изученія нашего отечества въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ, мы уже отдали подробный отчетъ, и объяснили, почему считаемъ необходимымъ знакомить читателей съ періодическимъ изданіемъ, столь добросовѣстно выполняющимъ свою задачу. Благодаря „Русскому Архиву“, мы имѣемъ

теперь большой запас таких историко-литературных материалов и документов, которые, быть может, или еще долго оставались бы под спудомъ, или и совсѣмъ не были бы обнародованы.

Какъ въ первомъ нашемъ отчетѣ, такъ и въ настоящемъ, мы представимъ сущность статей военного содержания.

I.

Изъ записокъ генералъ-адъютанта графа Е. О. Комаровскаго.—Записки сенатора Д. В. Шершова.

Генералъ-адъютантъ графъ Евграфъ Федотовичъ Комаровскій, потомокъ стариннаго, издавна православнаго рода, переселившагося въ Россію изъ Польши въ семнадцатомъ столѣтіи, родился въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II (въ 1769 году), а умеръ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ (въ 1843 году) семидесяти-четырехъ лѣтъ. Съ дѣтства записанный, по обычаю екатерининскихъ временъ, въ военную службу, онъ еще юношею состоялъ при князѣ Везбородкѣ, участвовалъ въ таврическомъ путешествіи императрицы и изъ Кіева, въ мартѣ 1787 года, имѣя восемнадцать лѣтъ отъ роду, былъ посланъ курьеромъ въ Парижъ съ подарками французскимъ министрамъ. Въ томъ же году онъ ѣздилъ съ порученіемъ изъ Петербурга въ Лондонъ, и впоследствии еще вѣсколько разъ отправлялся за границу съ дипломатическими порученіями. Между прочимъ, Комаровскій привезъ портретъ баденской принцессы, впоследствии императрицы Елисаветы Алексѣевны; съ тѣхъ поръ онъ сталъ лично извѣстнымъ великому князю Александру Павловичу, особеннымъ благоволеніемъ и довѣріемъ котораго пользовался постоянно. Дѣйствительную военную службу Комаровскій началъ съ 1794 года, въ л.-гв. Измайловскомъ полку, управлялъ нормальною школою этого полка, былъ полковымъ адъютантомъ, а по воцареніи императора Павла назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Павловичу. Помѣщенные въ „Русскомъ Архивѣ“, выдержки изъ записокъ начинаются именно съ этого времени, т. е. съ 7-го ноября 1796 года.

Графъ Комаровскій замѣчаетъ съ удивленіемъ, что первый разводъ (отъ Измайловскаго полка), на которомъ присутствовалъ новый императоръ, не привлекъ на дворцовую площадь народа, хотя это зрѣлище (т. е. присутствіе императора при разводѣ) было необыкновенное. На четвертый день по восше-

ствіи на престолъ Павла, происходило вступленіе въ Петербургъ павловскихъ и гатчинскихъ баталіоновъ, одѣтыхъ по-прусски: въ короткихъ мундирахъ, съ лацканами, въ черныхъ штіблетахъ; на гренадерахъ были шапки, какъ нынѣ у Павловскаго полка, на мушкетерахъ маленькія трехугольныя шляпы. Когда эти войска выстроились на дворцовой площади, императоръ сказалъ имъ: — „Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную вашу мнѣ службу, и, въ награду за оную, вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры чинъ въ чинъ“. Всѣхъ гатчинскихъ баталіоновъ было шесть: ихъ распредѣлили по полкамъ Преображенскому, Семеновскому, Измайловскому, рота же егерей была включена въ гвардейскій егерскій баталіонъ; кавалерія поступила въ конную гвардію. „Съ какою печалію мы должны были считать ихъ своими товарищами!“ восклицаетъ Комаровскій. — „На всѣхъ (насъ) напало какое-то уныніе. Иначе и быть не могло; ибо эти новые товарищи были не только безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ развратнаго поведенія; нѣкоторые даже ходили по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командою“.

Графъ Комаровскій, участвовавшій, въ качествѣ адъютанта великаго князя Константина Павловича, въ знаменитомъ суворовскомъ походѣ 1799 года, описалъ его подробно въ особыхъ запискахъ, отрывки изъ которыхъ касающіяся собственно тѣхъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ великій князь принималъ участіе, были напечатаны, безъ означенія имени автора, еще въ 1810 году, въ „Военномъ Журналѣ“ Рахманова. Полныя же записки хранятся въ архивѣ военно-топографическаго депо, и помѣщенные теперь въ „Русскомъ Архивѣ“ воспоминанія объ итальянской кампаніи 1799 года служатъ имъ дополненіемъ. Прежде чѣмъ великій князь прибылъ къ арміи, Суворовъ уже одержалъ нѣсколько побѣдъ, такъ что генераль Дерфельденъ, состоявшій при его высочествѣ, сказалъ Комаровскому: „надобно теперь просить великаго князя ѣхать поскорѣе, а то мы ничего не застанемъ: я знаю графа Суворова, теперь онъ уже не остановится“. Пріѣхавъ въ Вогеру, великій князь посѣщивъ явиться къ фельдмаршалу, который, выскочивъ изъ другой комнаты, подошелъ къ его высочеству, поклонился объ-руку и воскликнулъ: „Сынъ природнаго нашего государя!...“ Суворовъ былъ въ короткомъ бѣломъ кителѣ, имѣлъ на шеѣ мальтійскій крестъ, а на головѣ каску съ вен-

земель П. I., но не снялъ ей, вѣроятно—замѣчаетъ Комаровскій—потому, что она придерживала черный платокъ, которымъ былъ завязанъ одинъ глазъ. Обиравъ фельдмаршала, великій князь спросилъ:—„Что это у васъ, графъ Александръ Васильевичъ, глазъ завязанъ?“ — „Ахъ, ваше высочество“, отвѣчалъ фельдмаршалъ: „вчерашній день пролитыя непогуживайки меня опрокинули въ ровъ и чуть косточекъ моихъ всѣхъ не разбились!...“ (*) Потомъ, подойдя къ Дерфельдену, сказалъ: „не вижу“. Великій князь назвалъ генерала.—„Старинный пріятель и сослуживецъ, Вильгельмъ Христофоровичъ!“ воскликнулъ Суворовъ, перекрестясь, и поцѣловалъ у Дерфельдена крестъ на андреевской лентѣ. — „Намъ должно“ — продолжалъ фельдмаршалъ — „его высочество, сына природнаго нашего государя (тутъ онъ оный поклонился объ-руку), беречь болѣе нежели глазъ своихъ: у насъ ихъ два, а великій князь здѣсь одинъ“. Константину Павловичу Суворовъ, между прочимъ, сказалъ:— „Ваше высочество! говорятъ, будто трудно служить двумъ государямъ, а мы служимъ же трехъ-ипостасной Троицѣ!“ (**)

Послѣ неудачнаго дѣла, 1-го мая, подъ Бассиньяно, гдѣ великій князь обнаружилъ личную отвагу и два раза подвергался опасности, Суворовъ потребовалъ въ главную квартиру и его высочество и войска, находившіяся въ дѣлѣ; но великій князь не поѣхалъ, а послалъ вмѣсто себя Комаровскаго. Грозно встрѣтилъ великоннижескаго адъютанта фельдмаршалъ и въ запальчивости сказалъ:—„Я сейчасъ велю васъ и всѣхъ вашихъ товарищей (т. е. чиновъ свиты Константина Павловича) сковать и пошлю съ фельдъегеремъ къ императору!... Какъ вы смѣли допустить великаго князя подвергать себя такой опасности? Если бѣ его высочество—чего Боже сохрани!—взять былъ въ плѣнъ, какой бы стыдъ былъ для всей арміи, для всей Россіи!... Какой ударъ для августѣйшаго его родителя и какое торжество для республиканцевъ!... Тогда принуждены мы были бы заключить самый постыдный миръ, такой, какой предписали бы намъ наши непріатели!“ На другой день великій князь

(*) Казаки добыли гдѣ-то въ реквизиціи небольшую карету, которую Суворовъ призывалъ у нихъ купить. Въ этой каретѣ, запряженной парой крестьянскихъ лошадей, фельдмаршалъ всегда ѣздилъ съ кучеромъ изъ мужиковъ, а на заднемъ сидѣніи стоялъ его кривой новаръ.

(**) То же самое Суворовъ писалъ въ Вѣну нашему послу, графу Разумовскому: „Я служу двумъ государямъ въ одномъ лицѣ и въ трехъ лицахъ Богу: послѣдній насъ такъ да благословляетъ! На что эгоизмъ? Онъ вреденъ“.

видѣлся однако съ фельдмаршаломъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, и, какъ говоритъ Комаровскій, вышелъ изъ его комнаты *очень красенъ*. Суворовъ хотѣлъ отдать приказъ по арміи и отнести всю неудачу дѣла 1-го мая къ „неопытности и запальчивости юности“, но не сдѣлалъ этого потому, что тогда всѣ узнали бы, что намекъ относится къ великому князю. Комаровскій такъ объясняетъ ходъ дѣла подъ Бассиньяно. Когда на высотахъ противоположнаго берега рѣки По, подъ крѣпостью Валенцою, былъ открытъ непріятель, и когда нѣсколько нашихъ батальоновъ переправились чрезъ рѣку, на островъ, съ котораго можно было перейти въ бродъ на другой берегъ, великій князь сказалъ генералу Розенбергу: „Нечего мѣшать, ваше превосходительство! прикажите людямъ идти впередъ.“ — „Мы еще слишкомъ слабы“, отвѣчалъ Розенбергъ; — „не дожидаться ли намъ подкрѣпленія?“ — „Я вижу, ваше превосходительство“, возразилъ великій князь, „что вы привыкли служить въ Крыму: тамъ было покойнѣе и непріятеля въ глаза не видали...“ (*) Генералъ Розенбергъ отвѣчалъ: — „Я докажу, что я не трусь“, обнажилъ шпагу, закричалъ солдатамъ: „за мной!“ и первый пошелъ въ бродъ. „Эта поспѣшность“ — прибавляетъ Комаровскій — „имѣла самыя дурныя послѣдствія; но послѣ сего несчастнаго сраженія, мы были свидѣтелями только однѣхъ побѣдъ“ (**).

Чрезвычайно любопытно и поучительно мнѣніе, высказанное Суворовымъ Комаровскому, котораго великій князь посылалъ съ порученіемъ къ фельдмаршалу, о тогдашней политикѣ европейскихъ кабинетовъ по отношенію къ Россіи. — „Садись, слушай и перескажи его высочеству, что я буду говорить“ — такъ началъ свою бесѣду нашъ великій вождь и проницательный политикъ. — „Англія старается только поддерживать вражду противъ Франціи всѣхъ прочихъ государствъ, дабы не дать ей усилиться, ибо одна Франція можетъ соперничать съ Англіей на моряхъ. Политика ея лукава“. Въ доказательство тому Суворовъ привелъ, что англійское министерство, завидуя успѣхамъ нашей арміи въ Италіи, домогалось и интриговало, чтобы она была посла-

(*) Генералъ Розенбергъ, передъ самой итальянской кампаніей, командовалъ войсками, расположенными въ Крыму.

(**) Сраженіе при Бассиньяно продолжалось восемь часовъ, въ теченіе которыхъ генералъ-майоръ Чубаровъ, начальникъ пятитысячнаго авангарда Розенберга, геройски дрался противъ 13,000 французовъ. Потеря наша простиралась до 1,200 человекъ.

на въ Швейцарію, гдѣ, по малочисленности своей, должна была погибнуть: кромѣ того, англійскій флотъ, блокировавшій Геную, позволялъ французскому гарнизону получать моремъ и подрѣзленія, и продовольствіе.— „Австрійская политика“ — продолжалъ Суворовъ — „самая вѣроломная и управляема врагомъ своего отечества, Тугутомъ, который, вмѣсто того чтобы дѣйствовать на защиту липенныхъ престола королей, своихъ союзниковъ, вздумалъ дѣлать пріобрѣтенія изъ завоеванныхъ нами у непріятели городовъ и провинцій. Гофкригсратъ, мой злѣйшій врагъ, предписалъ, мимо меня, генералу Меласу, во всякомъ взятомъ нами городѣ выставлять австрійскій императорскій гербъ, но я сему воспротивился. *Австрійцы дорою заплатятъ за свое вѣроломство....* Одинъ нашъ императоръ поступаетъ какъ прилично высокому союзнику, безъ всякихъ видовъ корысти, изъ единаго похвальнаго подвига, чтобы возстановить храмы Вожин и престолы царей. Сію монаршую волю мы, кажется, сколько могли, исполнили; я старъ и слабъ, и одной прошу милости у всемогуществѣйшаго государя моего: чтобы отпустилъ меня домой... *Мы увидимъ, что будетъ съ австрійцами, когда бѣгъ ихъ, Бонапарте, возвратится въ Европу*“. (Генералъ Бонапарте былъ тогда въ Египтѣ.)

Послѣдующія событія доказали провицательность нашего славнаго полководца.

Послѣ итальянской кампаніи, императоръ Павелъ спросилъ у великаго князя Константина: покойна-ли новая одежда для солдатъ въ походѣ? Онъ зналъ, что, во всю кампанію, солдаты не надѣвали штиблеты и что унтеръ-офицерскія алебарды, *вышимою въ четыре аршина*, были изрублены на дрова при переходѣ черезъ Альпы.— „Я готовъ сдѣлать всякую перемѣну въ одѣяніи, ибо удобность познается опытомъ“, прибавилъ императоръ, и на замѣчаніе великаго князя, что башмаки, штиблеты, а въ особенности алебарды, вовсе неудобны въ походѣ, сказалъ: „Прикажи одѣть рядоваго и унтеръ-офицера во всей амуниціи и вооруженіи и представь мнѣ для образца“. Спустя нѣсколько дней, великій князь представилъ образцовыхъ, но какъ форма походила на бывшую при императрицѣ Екаторинѣ, то Павелъ съ гнѣвомъ замѣтилъ: „Я вижу, что ты хочешь ввести въ мою армію потемкинскую одежду.... Чтобы они шли съ глазъ моихъ долой!...“

Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Александра,

Комаровскій (въ то время уже генераль-майоръ) былъ назначенъ генераль-адъютантомъ. Это былъ первый генераль-адъютантъ, избранный князь монархемъ; другіе четыре генераль-адъютанта остались послѣ Павла, именно: Уваровъ, графъ Ливень, князь Долгорукій и князь Гагаринъ (посланникъ во Флоренці). Какое довѣріе императоръ Александръ имѣлъ къ Комаровскому, доказательствомъ служить то, что, одновременно съ возложеніемъ на графа Каменскаго должности с.-петербургскаго генераль-губернатора, назначилъ его помощникомъ стараго фельдмаршала и начальникомъ полиціи, находившейся тогда въ величайшемъ разстройствѣ и требовавшей кореннаго преобразования. Такъ какъ Каменскій былъ торопливъ, вспыльчивъ и переначивалъ иногда даже приказанія, даваемые ему государемъ, то его величество приказалъ Комаровскому ежедневно, послѣ обѣда, пріѣзжать за приказаніями, а отъ фельдмаршала позволилъ только принимать утренній рапортъ. Если же Каменскій докладывалъ о чемъ-нибудь, то императоръ отвѣчалъ: „Я послѣ дамъ вамъ знать, что должно сдѣлать“. Брюзгливый старикъ наконецъ надоѣлъ государю до того, что его величество сказалъ однажды Комаровскому:

— Не хочеть-ли графъ Каменскій пресѣсть прочь? Еслибъ это случилось, я поставилъ бы свѣчу Казанской Божіей Матери!“

Не оправдалъ также ожиданій государя состарѣвшійся въ военномъ ремеслѣ фельдмаршалъ и на маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ (лѣтомъ 1802 года) гвардейскихъ и армейскихъ войскъ, порученныхъ его главному начальству.

Многочисленны и разнообразны были порученія, возлагавшіяся императоромъ Александромъ на генераль-адъютанта Комаровскаго. Въ 1802 году подъ его наблюденіемъ были выстроены казармы кавалергардскіе, конно-гвардейскіе, измайловскіе и перестроены и отчасти вновь выстроены казармы семеновскія. Въ 1803 году императоръ послылъ Комаровскаго въ Вильну на встрѣчу эрцгерцогу-палатину, который, послѣ кончины супруги своей, великой княгини Александры Павловны, пожелалъ пріѣхать въ С.-Петербургъ (*). Отъѣзжая въ аустерлицкую кампанію, государь назначилъ Комаровскаго помощникомъ с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора Вязмитинова и членомъ предполагавшагося комитета для на-

(*) По ходатайству эрцгерцога, Комаровскій былъ возведенъ австрійскимъ императоромъ въ графское достоинство римской имперіи.

чартанія: правды высшей полиціи. Комитетъ этотъ не существовалъ, но въ послѣдствіи, какъ извѣстно, было учреждено министерство полиціи и въ главѣ его поставленъ генералъ Балашовъ, котораго, по рекомендаціи графа Комаровскаго, императоръ назначилъ изъ отставки московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, чѣмъ и положено было начало возвышенію этого генерала. За годъ до отечественной войны, Комаровскій былъ назначенъ инспекторомъ учреждавшейся тогда внутренней стражи и помощникомъ, по этой части, военного министра, и принималъ участіе въ составленіи положенія этого новаго учрежденія, которымъ, по его словамъ, императоръ много занимался. Въ мартѣ Комаровскій сопровождалъ государя въ Вильну. Передъ отъѣдомъ, императоръ Александръ сказалъ приглашеннымъ къ обѣду генераламъ: „Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ какъ союзники, и, кажется, долгъ своей исполняли какъ слѣдовало; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія, и потому, уповаю на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность и что мы не помрачимъ военную славу, нами приобретенную“. О послышѣ генерала Балашова къ Наполеону Комаровскій сообщаетъ подробности, переданныя ему самимъ Балашовымъ тотчасъ по возвращеніи въ главную квартиру. Хотя обстоятельства этой послышки извѣстны, однако не безъинтересно привести изъ нихъ тѣ частности, которыя или мало извѣстны, или могутъ служить вариантомъ уже извѣстнымъ. Прочитавъ письмо нашего государя, Наполеонъ сказалъ: „Насъ англичане поссорили! Удивляюсь, что вашъ императоръ находится самъ при войскахъ. Что ему тутъ дѣлать? Онъ природный государь, ему должно царствовать, а не воевать. Мое дѣло другое; я солдатъ, и это мое ремесло. Я не могу согласиться на требованія вашего императора: когда я что занялъ, то считаю своимъ. Вамъ мудрено защищать вашу обширную границу съ столь малымъ числомъ людей... Увидимъ, чѣмъ все это кончится!...“ За обѣдомъ Наполеонъ, обратившись къ Балашову, сказалъ: „Вы думаете, генералъ, что эти господа (показывая на маршаловъ Вертье и Бессіера) что-нибудь у меня значать: ничего не бывало! Они только исполнители моихъ приказаній...“ Послѣ обѣда Коленкуръ пригласилъ Балашова къ себѣ, много говорилъ о милостяхъ, оказанныхъ ему императоромъ Александромъ, во время пребыванія его посломъ

въ Петербургѣ, о привязанности своей къ нашему государю, и былъ столько откровененъ, что совѣтовалъ быть намъ твердыми въ нашихъ предпріятіяхъ.

Шинковъ (адмиралъ, состоявшій при императорѣ въ качествѣ государственнаго секретаря) и Валашовъ разсказывали Комаровскому, что они на-силу могли убедить Аракчеева, чтобъ онъ упросилъ государя оставить армию и ѣхать въ Москву. Когда они стали доказывать, что въ столь критическую минуту присутствіе его величества въ Москвѣ необходимо, что это единственное средство спасти отечество, Аракчеевъ возразилъ: „Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь при арміи?“ Шинковъ и Валашовъ отвѣчали: „Конечно; потому что если Наполеонъ атакуетъ и разобьетъ нашу армию, то что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, бѣда еще не велика!“ — „Можно сказать“ — замѣчаетъ, со своей стороны Комаровскій — „что душа и чувства графа Аракчеева были совершеннаго царедворца и чужды любви къ отечеству“.

О назначеніи Кутузова главнокомандующимъ обѣими арміями графъ Комаровскій сообщаетъ весьма любопытныя данныя. Вотъ какъ случилось это назначеніе. „Однажды я былъ дежурнымъ при государѣ на Каменномъ острову“ — разсказываетъ Комаровскій. — „Князь Горчаковъ (*) привѣщаетъ съ докладомъ къ императору и говоритъ мнѣ: — „Ахъ, любезный другъ, какую я имѣю ужасную комисію къ государю: я избранъ ходатаемъ отъ всего комитета господъ министровъ, чтобъ просить его величество перемѣнить главнокомандующаго и вмѣсто Барклая-де-Толли назначить Кутузова. Ты знаешь, какъ государь жалуетъ Барклая и что это собственный выборъ его величества.“ — Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, когда князь Горчаковъ выйдетъ изъ кабинета императора. Дѣйствительно, случай былъ рѣдкій, чтобъ какое-либо мѣсто, хотя составленное впрочемъ изъ первѣйшихъ государственныхъ чиновъ, предложило государю нашему, противу воли его, главнокомандующаго арміей!... Тѣмъ болѣе, что императоръ, какъ извѣстно было, не весьма благоволилъ тогда къ генералу Кутузову (**). Наконецъ я увидѣлъ князя Горчакова, выходящаго изъ кабинета государя; видно было, что у нихъ былъ продолжительный

(*) Управлявшій военнымъ министерствомъ за отсутствіемъ Барклая-де-Толли.

(**) Со времени австрійской компаніи.

и жаркій разговоръ, ибо нѣтъ нѣтъ какъ пламя. Онъ мнѣ сказалъ: „Слава Богу, я успѣлъ! Нельзя не дивиться протости и милосердію государя: представь себѣ, что я осмѣлился наконецъ сказать его величеству, что вся Россія желаетъ назначеніи генерала Кутузова, что въ отечественную войну приличнѣе быть настоящему русскому главнокомандующимъ“. — Государь приказалъ князю Горчакову дать знать генералу Кутузову, чтобы на другой день, поутру, онъ пріѣхалъ къ его величеству. Мое дежурство еще продолжалось, когда генералъ Кутузовъ пріѣхалъ на Каменный островъ. Я съ нимъ былъ одинъ. — „Мнѣ предстоитъ великое и весьма трудное поприще“ — сказалъ Кутузовъ. — „Я противъ Наполеона почти не служилъ; онъ все шелъ впередъ, а мы ретировались; можетъ быть, по обстоятельствамъ, нельзя было иначе.... Скажите мнѣ, кто находится въ главной квартирѣ Барклая нѣ чиновниковъ, занимающихъ мѣста по штабу? Я никого не знаю.“ — Я ему назвалъ всѣхъ, и когда онъ услышалъ, что оберъ-квартирмейстерскую должность отправляетъ баронъ Толь, то сказалъ: — „Я этому очень радъ; онъ выпущенъ изъ перваго кадетскаго корпуса, когда я онымъ командовалъ.“ — Послѣ сего позвали Кутузова къ государю. Выходя изъ кабинета его величества, генералъ Кутузовъ мнѣ сказалъ: — „Дѣло рѣшено: я назначенъ главнокомандующимъ обѣихъ армій; но, затворивъ уже дверь кабинета, я вспомнилъ, что у меня нѣтъ ни полушки на дорогу, воротился и сказалъ: — *Mon maître, je n'ai pas un sou d'argent pour partir*“ (*). Государь мнѣ пожаловалъ 10,000 рублей.“ — Простясь со мною, генералъ Кутузовъ уѣхалъ, и мнѣ болѣе съ нимъ не случилось уже видѣться никогда.“

Графъ Комаревскій не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года: государь поручилъ ему собрать съ помѣщичьихъ мѣстъ Подольской и Волинской губерній до 20,000 лошадей и постепенно отправлять ихъ въ кавалерійскіе резервы, которые сформировалъ генералъ-отъ-кавалеріи Кологривовъ. — „И мы, и неприятель имѣемъ болѣе нужды въ лошадяхъ нежели въ людяхъ“, сказалъ императоръ по поводу этого порученія. Комаревскому не удалось быть и въ заграничной кампаніи, потому что едва кончилъ онъ порученіе на Волини, какъ получилъ приказаніе собрать кавалерійскихъ лошадей съ 22 внутрен-

(*) „Государь! у меня нѣтъ ни копейки, чтобы выехать“.

нихъ губерній, согласно манифесту объ общемъ рекрутскомъ наборѣ, обнародованному 21-го августа 1813 г. Всего въ кавалерійскіе резервы было отправлено имъ до *сорока тысячъ* лошадей.

Графъ Комаровскій не переставалъ пользоваться особеннымъ довѣріемъ и императора Николая Павловича. 14-го декабря 1825 г. онъ весь день находился при его величествѣ вѣсть съ другими генералъ-адъютантами, исполнялъ различныя порученія государя, и потому могъ сообщить объ этомъ грустномъ дѣѣ интересныя подробности. Графъ Комаровскій пріѣхалъ на Дворцовую площадь, уже наполненную народомъ, въ ту минуту, когда императоръ былъ верхомъ на конѣ, передъ первымъ баталіономъ Преображенскаго полка и когда при немъ не было еще ни одного изъ генераловъ. „Представь себя“—сказалъ государь приближающемуся къ нему Комаровскому—„есть люди, которые, къ несчастію, носятъ одинъ съ нами мундиръ и называютъ меня самозванцемъ! Ты слышишь этотъ крикъ и выстрѣлы; но я имъ покажу, что я не трушу!“ Вскорѣ затѣмъ Комаровскій былъ свидѣтелемъ, какъ къ его величеству подошелъ высокаго роста драгунскій офицеръ, голова котораго была повязана чернымъ платкомъ.— „Кто вы?“—спросилъ государь.—„Я штабсъ-капитанъ Якубовичъ, пришелъ къ вашему величеству съ повинною головою: я сдѣлался измѣнникомъ противъ воли: идучи по Вознесенской улицѣ, вижу, что нѣсколько взводовъ л.-гв. Московскаго полка бѣгутъ и кричатъ ура, Константинъ! Они окружили меня и заставили кричать то же; я не слыхалъ о восшествіи вашего величества на престолъ и думалъ, что войска собираются для присяги Константину Павловичу; но, придя съ ними на Сенатскую площадь, я примѣтилъ въ войскахъ неустройство. Не вида ни одного генерала и узнавъ, что ваше величество находитесь здѣсь, я пришелъ предстать предъ вами“. Государь отвѣчалъ Якубовичу: — „Тамъ какъ вы уже тамъ были, то я приказываю вамъ возвратиться къ нимъ и сказать отъ моего имени, что если всѣ находящіяся на площади войска положить оружіе, то я ихъ прощаю“. На это Якубовичъ сказалъ: — „Я пойду и ручаюсь, что исполню приказаніе вашего величества; но знаю, что живой не возвращусь“. — Нѣкоторые изъ слышавшихъ слова Якубовича замѣтили: „прекрасно!“ но государь возразилъ:—„Погодите, господа, хвалить: увидимъ, чѣмъ

все это окончится!“ Фангель-адъютантъ Дурново, сопровождавшій Якубовича до рядовъ мятежниковъ, рассказывалъ потомъ Комаровскому, что лишь только Якубовичъ сталъ говорить, какъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ и Якубовичъ скрылся въ толпѣ.... Это появленіе предъ лицомъ государя одного изъ отчаянныхъ коноводовъ мятежа герцога Евгений Вюртембергскій, также находившійся при его величествѣ, объясняетъ просто: Якубовичъ былъ подосланъ своими соумышленниками вывѣдать, что дѣлается на противоположной сторонѣ.

Утромъ 15-го декабря, императоръ Николай Павловичъ, призвавъ къ себѣ графа Комаровскаго, сказалъ: — „Я ожидаю отъ васъ, любезный графъ, большой себѣ услуги: я хочу послать васъ въ Москву, съ объявленіемъ о восшествіи моемъ на престолъ“. — „Я готовъ хоть сейчасъ отправиться“, отвѣчалъ Комаровскій. — „Пріѣзжайте же ко мнѣ въ три часа по-полудни“ — прибавилъ государь — „и все приготовлено будетъ къ вашему отправленію“. — Принимая пакетъ къ московскому военному генералъ-губернатору, Комаровскій спросилъ: — „Ваше величество прикажете мнѣ тотчасъ возвратиться?“ — Императоръ, вздохнувъ, сказалъ: — „Желалъ бы, но какъ Богу будетъ угодно!“ — Кромѣ того, государь поручилъ Комаровскому удостовѣриться, на пути въ Москву, въ духѣ поселенныхъ войскъ и донести, по эстафетѣ, въ собственныя руки, но не изъ Новагорода, а изъ перваго удобнаго мѣста.... Комаровскій выѣхалъ изъ Петербурга въ тотъ же день, во вторникъ 15-го декабря, въ восемь часовъ вечера, а въ Москву прибылъ въ ночь съ четверга на пятницу, и съ удивленіемъ узналъ отъ военнаго генералъ-губернатора, что въ Москвѣ уже было извѣстно о восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, хотя самъ начальникъ столицы не получалъ еще официальнаго извѣстія. Очень могло случиться, что слухъ былъ распространенъ кѣмъ-нибудь изъ частныхъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ Петербурга; но, кромѣ того, директоръ учрежденія, помѣщавшагося въ Сухаревой башнѣ и состоявшаго въ морскомъ вѣдомствѣ, получилъ уже формальное приказаніе привести къ присягѣ императору Николаю своихъ подчиненныхъ, тогда какъ военный генералъ-губернаторъ еще не зналъ ничего точнаго о случившемся въ Петербургѣ.

22-го декабря Комаровскій возвратился въ Петербургъ и привезъ государю радостную вѣсть, что въ первопрестоль-

ной столицѣ все совершилось благополучно. Его же императоръ Николай Павловичъ послалъ, въ августъ 1826 года, изъ Москвы въ С.-Петербургъ съ извѣстіемъ о своемъ коронованіи.

На этомъ оканчиваются помѣщенныя въ „Русскомъ Архивѣ“ выдержки изъ записокъ графа Комаровскаго. Имѣютъ ли записки цѣлостный видъ, обнимаютъ ли онѣ все время служебной дѣятельности автора, касаются ли современныхъ ему вопросовъ внутренней и внешней политики, объ этомъ ничего не говорится въ предпосланной редакторомъ замѣткѣ. Изъ нея видно только, что подлинная рукопись хранится у сына покойнаго графа и что мемуары писаны въ 1830 и 1831 годахъ въ сельскомъ уединеніи, когда, слѣдовательно, генералу Комаровскому было за шестьдесятъ лѣтъ. Несмотря однакожъ на такія лѣта, въ выдержкахъ, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“, не замѣтно даже слѣдовъ чего-либо стариковскаго: самый языкъ ихъ простъ, естественъ, чуждъ всякихъ риторическихъ прикрасъ, на которыя такъ падки были люди стараго времени. По свидѣтельству редактора „Архива“, въ изложеніи записокъ отразился кроткій, дѣятельно-ровный, правдивый характеръ графа Комаровскаго. Видно также, что Комаровскій былъ человѣкъ образованный.

Цѣлыхъ два номера „Русскаго Архива“ (8 и 9-й за 1867 г.) посвящены запискамъ Мертваго, бывшаго, въ послѣдніе годы своей службы (1817 — 1824) сенаторомъ въ Москвѣ. Мы познакомимъ читателей только съ тѣми мѣстами этихъ мемуаровъ, которыя, касаясь службы Мертваго въ провіантскомъ вѣдомствѣ, сначала членомъ Провіантской Экспедиціи (1797 — 1802), потомъ генералъ-провіантмейстеромъ (1807 — 1810), проливаютъ замѣчательный свѣтъ на состояніе этой части въ исходѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Назначенный военнымъ совѣтникомъ Провіантской Экспедиціи, Мертваго, по собственному его сознанію, не имѣлъ понятія объ обширныхъ занятіяхъ Провіантскаго Департамента, находившагося въ сношеніяхъ со всеми государственными чинами, губернскими начальниками и земскими полиціями. Между тѣмъ онъ считалъ своею обязанностію знать всѣ подробности каждаго мѣста расположенія войскъ и откуда доставляемъ былъ провіантъ, но въ экспедиціи не только не нашелъ никакихъ, по этимъ предметамъ, данныхъ, но тамъ не оказалось даже атласа

Россіи. Дѣла находились въ неподвижности; журналы, за спорами членовъ, не подписывались по нѣскольку мѣсяцевъ; секретари писали резолюціи и ссорили присутствующихъ, которые между собою бранились и больше ничего не дѣлали. Видя такую безурядицу, Мертваго представилъ тогдашнему генераль-провіантмейстеру Обольянинову записку, въ которой объяснилъ необходимость имѣть ясное понятіе о состояніи всего государства, составить вѣрную карту съ описаніемъ судоходныхъ рѣкъ и каналовъ, утвердить штатъ департамента и особою инструкціей опредѣлить обязанности и права каждаго мѣста и лица. Все это Обольяниновъ поручилъ исполнить Мертваго; но прежде чѣмъ работа была кончена, послѣдовалъ указъ объ учрежденіи воеднаго комитета, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Александра Павловича, съ цѣлію составить штаты, изыскать средства содержать армию возможно дешевле и расположить войска на непремѣнныя квартиры, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ государства. Комитетъ потребовалъ отъ генераль-провіантмейстера необходимыхъ, для обсужденія сихъ вопросовъ, свѣдѣній, но получить ихъ было не откуда.

Записка, составленная Мертваго объ устройствѣ провіантской части, показываетъ, что онъ имѣлъ раціональный взглядъ на эту важнѣйшую отрасль не только военнаго, но и всего государственнаго хозяйства, и далеко опередилъ, въ этомъ отношеніи, своихъ современниковъ. До реформы, произведенной по его вчинанію, провіантское вѣдомство не отдавало даже отчета въ израсходованныхъ деньгахъ, а теперь, въ первый же (1797) годъ новыхъ порядковъ, сбережено было изъ ассигнованной суммы до 1,700,000 рублей. Императоръ Павелъ остался такъ доволенъ Мертваго, что произвелъ его въ генераль-маіоры и благодарилъ лично; когда же Обольяниновъ былъ назначенъ ревизоромъ (министромъ юстиціи), съ оставленіемъ и въ должности генераль-провіантмейстера, то Мертваго одинъ сталъ управлять провіантскимъ департаментомъ.

„Съ каждымъ днемъ становясь сильнѣе, онъ (т. е. Обольяниновъ) — говоритъ Мертваго — вскорѣ удободѣлся великому вицарю.... Время это (1800 годъ) было самое ужасное. Государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ де-

ревни. Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основанія ихъ секты; многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли на поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ.... Начальникъ мой (Оболяниновъ) сталъ инквизиторомъ; все шло чрезъ него. Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того, что рассказываютъ⁴.

Мертваго бросаетъ лишь бѣглый взглядъ на четырехлѣтнее царствованіе императора Павла; но надобно предполагать, что въ рукописи говорится болѣе, нежели сколько сказано въ напечатанныхъ мемуарахъ. „Обстоятельства послѣднихъ четырехъ лѣтъ, (съ ноября 1796 по мартъ 1801), которыя были мнѣ довольно извѣстны“—замѣчаетъ онъ—„заслуживаютъ того, чтобы сохранить ихъ надолго въ памяти.... Послы за границу чрезъ фельд-фебелей проваживались какъ бы подпоручики гарнизонныхъ полковъ“.... Принявъ званіе великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, императоръ Павелъ назначилъ на островъ Мальту гарнизонъ и коменданта и *приказалъ включить юродъ Мальту въ календарь, наравнѣ съ юбернскими юродами*. Но англичане уже заняли островъ, присѣднили его къ своимъ владѣніямъ, и вслѣдъ затѣмъ первый консулъ Бонапарте сталъ искать союза съ Россіей. Онъ написалъ къ императору Павлу письмо, въ которомъ, называя его самодержавнымъ монархомъ, увѣдомлялъ, что 5,000 нашихъ плѣнныхъ (взятыхъ французами въ Голландію) хотя и знали, что ихъ исключили изъ службы (Мертваго говорить, что эта мѣра „возбудила общее негодованіе и много добрыхъ искръ загасила въ сердцахъ“), однако не приняли выгодныхъ предложеній французскаго правительства и остаются вѣрными своему государю. Наполеонъ Бонапарте прибавлялъ, что Франція готова отпустить ихъ безъ вымѣна, желая тѣмъ доказать свое желаніе быть союзницею Россіи. Это письмо было прислано съ маіоромъ, находившимся въ плѣну, и онъ рассказывалъ, что наши офицеры и солдаты одѣты по новой формѣ, введенной Павломъ, что изъ нихъ сформированы баталіоны, которыми командуютъ русскіе офицеры и обучаютъ ихъ по новому уставу. Вслѣдствіе союза съ Франціей и разрыва съ Англіей, рѣшено было предпринять такую необычайную экспедицію, о какой и не снилось современникамъ: сорокъ донскихъ казацкихъ полковъ, со всею своею артилеріей, получили приказаніе выступить къ Оренбургской линіи, отсюда идти чрезъ

Киргизскую степь, проникнуть въ Бухару и въ Хиву, освободить тамъ нашихъ плѣнныхъ; *слѣдовать далѣе въ Индію и разорить тамъ англійскія поселенія*. Въ то же самое время первый консулъ долженъ былъ отправить часть французскихъ войскъ изъ Египта, черезъ Сирію, для соединенія съ донскими казаками. Разсчеты на успѣхъ этого „удивительнаго“ предпріятія основывались на томъ, что англичане, послѣ пораженія Типо-Сайба, имѣли въ Индіи мало войска, и что, при появленіи здѣсь русскихъ и французовъ, возстали бы всѣ туземцы, недовольные англійскимъ владычествомъ. Надѣялись, такимъ образомъ, лишить англичанъ „отхожей пустоши“ (какъ выражается Мертваго), на которой основывались и сила и богатство ихъ. Всѣ эти предположенія не осуществились по случаю смерти императора Павла; однако донскіе казаки уже были на Оренбургской линіи, пройдя болѣе тысячи верстъ.

Посланный, въ качествѣ инспектора по провіантской части, для освидѣтельствованія рижскаго и кіевскаго депо, Мертваго нашего проѣздомъ черезъ Литву (это было при самомъ вступленіи на престолъ императора Александра) величайшія злоупотребленія, „безсовѣстный и безстрашный грабежъ“. Съ умасомъ восклицаетъ онъ: „провіантскіе комисіонеры, совокупая интересами съ чиновниками губернскими, бравъ въ часть или обманывая военныхъ, воруягъ безпутно—смыло; жиды маглёрствуютъ и у всѣхъ въ чести.... Однимъ словомъ, совершенное раепутство....“ И чѣмъ далѣе знакомился онъ со всею обстановкою тогдашней службы по провіантскому вѣдомству, тѣмъ болѣе укрѣплялся въ мысли „избавиться сего мѣста, толико несогласнаго ни съ образомъ его мыслей, ни съ расположеніемъ воровать“. — „Я не хочу богатства, совсѣмъ не желаю“ — говоритъ эта честная душа; — „слѣдовательно, можетъ ли быть сносно всякій день видѣть воровъ, чувствовать воровство и знать навѣрно, что никакого нѣтъ способа не только искоренить, ниже умѣрить онаго?“... Наконецъ терпѣніе Мертваго допнуло и, чтобы не запятнать своего добраго имени, оставилъ провіантскую службу.

Но именно такой безкорыстный и уинный человекъ и нуженъ былъ для устройства провіантской части, особенно при тѣхъ условіяхъ, въ которыя была поставлена Россія послѣ аустерлицкой кампаніи, и потому императоръ Александръ изъявилъ желаніе, чтобы Мертваго принялъ должность генераль-провіантмейстера.

Шестидеять лѣтъ тому назадъ, вѣтъ какъ Мертваго понималъ обязанности и значеніе главнаго распорядителя продовольствованію арміи:

„Вступивъ въ званіе генераль-провіантмейстера, сдѣлался я обяванъ быть государственнымъ человекомъ, долженствующимъ знать всѣ политическія связи и дальнѣйшія намѣренія государя, соображать ихъ со способами, зависащими отъ помѣстности обширной Россійской Имперіи, и предупредивъ начало дѣйствій, превышающихъ мѣру возможностей нашихъ, догадывалъ предварительно, что и когда предпринято и совершено быть можетъ. Ибо Россійская Имперія на всѣ прочія въ свѣтѣ не похожа: обширность, разность климата, малолюдство, недостатокъ просвѣщенія, вслѣдствіе коего худо еще образованная хозяйственная часть, дѣлаютъ невозможнымъ, безъ насады всѣхъ государственныхъ силъ, предпринимать и совершать скоро все то, что посредствомъ людей послѣдняго класса исполняется добровольно“.

Еще замѣчательнѣе слѣдующая глубоко-вѣрная истина, высказанная за шестидеять лѣтъ человекомъ, никогда не служившимъ въ войскахъ:

„Пронсшествія въ минувшихъ временахъ доказываютъ, что *сила русскаго оружія всегда вездѣ все сломала, но недостаткомъ продовольствія войскъ оставовляла усталом и принуждала обращаться къ требованіямъ умреннымъ*“.

Мертваго принялъ на себя обязанности генераль-провіантмейстера при чрезвычайно-трудныхъ обстоятельствахъ. Въ концѣ 1806 гда почти всѣ наши военныя силы были обращены къ прусскимъ границамъ; не только армейскіе полки, но чуть не всѣ гарнизонные батальоны были сдвинуты со своихъ мѣстъ и направлены туда же; гвардія вся находилась за границею. Для продовольствованія такой массы войскъ, отправили въ Пруссію изъ Петербурга, изъ Риги и изъ всѣхъ приморскихъ пограничныхъ мѣстъ хлѣбъ, который, по выраженію Мертваго, *различными способами тамъ исчезнулъ, дамой не возвратился*; а между тѣмъ въ іюнь 1807 года былъ заключенъ тильзитскій миръ и всѣ наши войска стали возвращаться чрезъ тѣ самыя мѣста, которыя были оставлены безъ запасовъ, а гдѣ сами жители голодали вслѣдствіе двухгодичныхъ неурожаевъ. Въ то же время готовилась война со Швеціей, и въ Петербургѣ сосредоточилось вдвое большее, противъ обыкновеннаго, количество войска.

Удѣляя о пріятыи нмѣ мѣрахъ въ уснраненіи недо-
статка въ продовольствѣніи войскъ, Мертваго расказываетъ
о столкновѣніяхъ своихъ съ Аракчеевымъ, который, въ январѣ
1808 года, былъ назначенъ военнымъ министромъ вмѣсто Вяз-
митинова. Нечего и говорить, что надманный временщикъ сталъ
и съ Мертваго обращаться такъ же, какъ обращался со всѣми
своими подчиненными; онъ на первыхъ же порахъ погрозила
ему арестомъ, если окажется справедливымъ доносъ о дурномъ
состояніи продовольственной части въ арміи Бухарстедена, дѣй-
ствовавшей въ Финляндіи. Тогда Мертваго написалъ государю
письмо, въ которомъ просилъ увольненія отъ службы, объяс-
няя, что не хочетъ подвергаться аресту за неисправность сво-
ихъ восьмьютъ провинтскихъ чиновниковъ, разбѣянныхъ на
пространствѣ двѣнадцати тысячъ верстъ. Въ самый день вру-
ченія этого письма императору, Аракчеевъ пригласилъ Мертва-
го пріѣхать во дворецъ и, выйдя изъ кабинета государева, по-
звалъ его въ особую комнату, гдѣ „подлѣйшимъ образомъ“
просилъ у него прощенія. Затѣмъ и Мертваго и Аракчеевъ
появились къ его величеству. Тутъ разыгралась сцена,
которая превосходно характеризуетъ нравственную сторону
человѣка, такъ долго имѣвшаго въ рукахъ своихъ громадную
власть и не знавшаго предѣловъ своей гордыни.

— „Скажете мнѣ причину, для чего просите отставки?“ на-
чалъ императоръ, обращаясь къ генералъ-провіантмейстеру,
Мертваго отвѣчалъ, что должность, на него возложенная, пре-
вышаетъ его способности. — „Позвольте мнѣ знать способности
ваши“, возразилъ государь. — „Я знаю васъ по дѣламъ, и отъ
всѣхъ начальниковъ вашихъ слышалъ похвалы объ васъ
отзывы“. — Обратясь къ Аракчееву, его величество спросилъ: —
„Знаете ли вы кого достойнѣе его и способнѣе къ сей должно-
сти?“ — Аракчеевъ, съ раболѣпнымъ видомъ, отвѣчалъ: — „Я,
ваше величество, никого достойнѣе и способнѣе Дмитрія Бори-
совича не знаю“. — Императоръ Александръ сталъ убѣждать
Мертваго продолжать службу, необходимую при тогдашнихъ
обстоятельствахъ, удѣляя, что часть, ему ввѣренная, есть
наиважнѣйшая, что надобно имѣть въ виду пользу отечества,
и милостиво опровергалъ всѣ его возраженія.... — „Разсудите,
ваше превосходительство, какъ не служить такому государю?“
сказалъ послѣ этого Аракчеевъ, обратясь къ Мертваго, „наи-
рабственнѣйшимъ тономъ“. — „Ваше сіятельство!“ отвѣчалъ тотъ:

„я служу и служить буду государю по истинѣ такъ, какъ слѣдуетъ дворянину“. — „Вы къ нему пишете объ арестованіи“, продолжалъ императоръ, указывая на Аракчеева: „какъ могли вы принять такъ, въ горячности, безъ размышленія выговоренное слово? Развѣ вы думаете, что онъ сумасшедшій?...“ Графъ Аракчеевъ, сложа руки и поднявъ ихъ къ лицу, сказалъ: — „Государь! я уже просилъ прощенія у Дмитрія Борисовича, и теперь при вашемъ величествѣ еще прошу...“ — „Выговора сіе“ — замѣчаетъ Мертваго — „онъ такъ мнѣ низко поклонился, что мнѣ съ моимъ туловищемъ, такъ бы и не согнуться...“ — „Чего же вы еще хотите!“ воскликнулъ государь, и, потрепавъ Мертваго обѣими руками, прибавилъ: — „Полно, братецъ, ты осердился, и потому хочешь оставить службу: перестань, останься...“ — „Воля ваша, извольте, я остаюсь“, отвѣчалъ генераль-провіантмейстеръ; — „но позвольте доложить и согласитесь, что я самый несчастливый человѣкъ...“ — „А почему?“ спросилъ императоръ. — „Ваше величество выгодно о мнѣ заключать извольте и оказываете мнѣ отличныя милости довѣренностію вашею. За что же вы меня опредѣляли быть начальникомъ такого корпуса, который находится подъ гнѣвомъ вашимъ?“ (*) — „О, вы себя съ ними не равняйте!“ возразилъ императоръ. — „Вы очень хороши, а они очень дурны...“ — „Можно ли сдѣлать заключеніе о всѣхъ по тѣмъ людямъ, которыхъ виноватыми видѣли вы въ Пруссіи?...“ — замѣтилъ Мертваго. — Императоръ Александръ, возвысивъ голосъ, возразилъ: — „Видите ли, какъ вы заблуждаетесь, считая, что, видя ихъ мерзкія дѣла въ Пруссіи, сдѣлалъ я о всѣхъ генеральное заключеніе!... Нѣтъ, сударь, общая молва отъ всѣхъ сторонъ одинакова; отъ Чернаго моря до Бѣлаго, отъ Балтійскаго до Каспійскаго и Камчатки, отовсюду равно кричатъ о нихъ: воры! воры! Выгоните мнѣ всѣхъ тѣхъ, которые покажутся вамъ подозрительными. Примите на службу другихъ, извѣстныхъ вамъ людей; словомъ, прекратите злую о нихъ молву: тогда увидите, что я все буду дѣлать по вашимъ представленіямъ“.

Послѣ этой сцены Аракчеевъ возненавидѣлъ Мертваго, при всякомъ удобномъ случаѣ старался чернить его въ глазахъ императора, придирался къ нему по службѣ, „безпрестанно

(*) Послѣ тильзитскаго мира повелѣно было рассмотреть злоупотребленія провинтскихъ чиновниковъ въ минувшую войну и всѣмъ имъ запрещено носить мундиръ, впредь до рѣшенія дѣла.

спасать его на пробу", какъ выражается Мертваго, хотѣлъ запутать и погубить его; хотя, по наружности, оказывалъ ему необыкновенное довѣріе. Такъ, когда оба они были въ Финляндіи и когда генераль-привіантмейстеръ представилъ планъ о лучшемъ продовольствованіи арміи Буксгевдена, Аракчеевъ, вполне одобривъ проектъ, сказалъ:— „Знаете ли, что я сдѣлаю по возвращеніи въ Петербургъ? Скажу я государю: или отпустите меня отъ должности, или извольте подписываться, а я буду править....“ Эти дерзкія слова привели Мертваго „въ содроганіе“. Съ какою же цѣлю временщикъ позволилъ себѣ такую горделивую выходку? Издатель „Русскаго Архива“ замѣчаетъ не безъ основанія, что, быть можетъ, Аракчеевъ умышленно выразился такъ, желая видѣть, какъ подобныя слова подѣйствуютъ на ненавистнаго ему собесѣдника и не вызовутъ ли они, съ его стороны, какого-либо неосторожнаго выраженія...

Мстительный Аракчеевъ, конечно, достигъ своей цѣли, очернилъ предъ государемъ генераль-привіантмейстера; несмотря на то, Мертваго „не могъ выдарабаться изъ когтей звѣрообразнаго командира“ и принужденъ былъ оставаться на службѣ до назначенія Барклая-де-Толли военнымъ министромъ.

Указавъ только на ту часть записокъ Мертваго, которая касается непосредственно элемента военнаго по преимуществу, считаемъ нужнымъ замѣтить, что и вообще въ этихъ мемуарахъ любознательные читатели найдутъ много интересныхъ подробностей, обрисовывающихъ нѣкоторыя стороны послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины, времени императора Павла и первой половины царствованія императора Александра. Указываемъ въ особенности на пугачевщину, на состояніе Оренбургскаго края вскорѣ послѣ пугачевщины и на положеніе Крымскаго полуострова въ началѣ царствованія Александра I. Есть нѣсколько очерковъ тогдашнихъ главныхъ и второстепенныхъ дѣйствителей на разныхъ поприщахъ; о политическихъ же дѣлахъ, внутреннихъ и вѣншихъ, Мертваго почти не говорить, или касается ихъ мимоходомъ, по связи съ главнымъ предметомъ записокъ — своей автобіографіей. Умная и энергическая личность этого вѣрнаго сына Россіи обрисовывается въ мемуарахъ сама собою въ выгодномъ свѣтѣ.

Краткій критическій обзоръ механизма арміи, въ военное время, во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи

и у насъ, преимущественно по интендантской части. *Сочиненіе Федора Затлера. Варшава. 1867 года.*

Настоящій трудъ г. Затлера, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, составленъ въ виду вопроса, возбужденнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашемъ военномъ министерствѣ: исполнѣ ли соотвѣтствуетъ уставъ 1846 года условіямъ военного времени, какіе въ немъ недостатки и какъ ихъ исправить?

„Въ нашей военной литературѣ“, говоритъ авторъ, „до сихъ поръ не являлось еще въ печати ни одной статьи о томъ, на какихъ главныхъ основаніяхъ были составлены уставы для управленія арміею, въ военное время, во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи и у насъ. „Между тѣмъ—продолжаетъ г. Затлеръ, „мы должны внимательно изучать самихъ себя, и, сравнивъ свои учрежденія съ иностранными, только послѣ зрѣлаго, разносторонняго обсужденія, измѣнять у себя то, что, можетъ быть, и было когда-то хорошо, но состарѣлось и негодится теперь. Но вводя новыя учрежденія, надобно избѣгать опрометчивости и не бросаться на первую попавшуюся мысль и не разрушать и (не) ломать все старое, въ предположеніи, что все прежнее никуда не годится и необходимо все пересоздать вновь....“

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, г. Затлеръ „рѣшился ознакомить нашу военную публику съ нѣкоторыми главными чертами уставовъ для управленія арміею, въ военное время, введенныхъ во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи и у насъ“.

Сколько намъ извѣстно, новый уставъ о полевомъ управленіи войскъ нашей арміи, въ военное время, обусловленный какъ совершившимися реформами въ организаціи и устройствѣ ея, такъ равно и современными взглядами на войну и военное дѣло вообще, уже составленъ и внесенъ на разсмотрѣніе и утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Намъ извѣстно, что при составленіи этого важнаго труда, тщательно разсмотрѣно, въ исторической послѣдовательности, наше законодательство по этой части и критически разобраны законодательства главнѣйшихъ иностранныхъ государствъ по тому же предмету, что видно и изъ объяснительной записки, приложенной къ проекту новаго устава.

По утвержденіи новаго устава, редакція „Военнаго Сборника“ не замедлитъ ознакомить своихъ читателей съ главными и существенными его чертами.